

Художественное открытие мира

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

Оно — и в создании нового эпоса, отражающего революционный пафос, новые отношения массы и личности, и в разработке почти не освоенной раньше искусством темы труда, как творчества, и в находках, связанных с изображением положительного героя, и во многом другом.

В любом произведении искусства поднимая художником проблема окажется истинной лишь тогда, когда она реализуется в живописных картинах, в поэтических образах, когда все повествование бывает пронизано чувствами автора.

Литературе закономерно называет человекаведением. Какую бы тему ни затрагивала настоящий художник, всегда свежестъ живое восприятие неотделима у него от стремления глубоко постичь людей, человеческую душу. И очень жаль, что писатели часто не уделяют должного внимания психологическому анализу своих героев, не умеют раскрыть диалектику их души. Зато насколько возрастает интерес читателя к персонажам, чью внутреннюю жизнь открыл ему автор.

Недавно журнал «Звезда» опубликовал первую часть второй книги В. Смирнова «Открытие мира». Как и перед главным героем романа — мальчиком Шуркой, перед читателями открывается большой и сложный мир. В подневольной, старой деревне автор видит немало горя и темноты, но на первом плане у него — сила и красота народного характера. Он раскрывает душу трудового человека с его вдохновенными порывами, чистотой нравственных побуждений, которых не может погасить трудная жизнь.

В книге нет общих деклараций, здесь все дано в образах и через образы, за всем чувствуется взгляд живописца, обладающего многогранным палитрой. Поэтому так пластичны фигуры героев. Напомним об одной из них. Это Пелагея, «шуркина мамка», немолчаливая уже, много пережившая женщина. По какой это интересный человек, с содержательной и сложной внутренней жизнью! Тонко и проникновенно рисует автор душевные движения своей героини. Вот, сидя у печи, задумалась Пелагея о тяжелой судьбе своей о муже-солдате, от которого давно нет ве-

стей. «Обязанная старой шальнойкой, в складах и дырках которой застряли соломинки и колосья, сгорбившись, как старуха, мать держала на коленях Ванятку, тупо уставясь на огонь». И лицо ее в этот момент стало каменно-серым, и на лбу пропущили глубокие морщины, и голубые глаза гасли. А через несколько глав — другая сцена: женщины собрались на коллективную молотью. Трудился они весело, с подъемом, а лучше всех — Пелагея. Каждая жилая горела и переживалась у нее в лице, она «забылась», думала что-то про себя радостно-предающее. Из-под платка у нее непроизвольно и безудержно лился из глаз внутренний голубой теплый свет, он озарял и ее и все, что она делала и на что смотрела». И, наконец, еще одно место из той же повести. Пришло страшное известие о гибели мужа Пелагея. Не зарылась она, не завывала, — дошла до дому, свалилась на кровать, легла лицом к стене и лежит, как мертвая, — ни звука, ни стоны. Но и это горе не сломило стойкую женщину. Когда ее сын задался бросить школу, чтобы поддержать семью, Пелагея решительно воспротивилась этому. Она сохранила бодрость духа, волю к жизни. И вот уже руки ее, как всегда «делали десять дел сразу», и все в избе «жило по великому лавно завешенному порядку».

Как будто бы немного страниц посвящено Пелагее, а читатель их — и невольно вспоминаешь замечательную некрасовскую женщину, что «когда на скаку остановилась, в горячую избу войдет». Она, эта женщина, вынесла на своих плечах больше тяготы в прошлом, ей — труженице, жене, матери — многим обязаны советские люди и в годы Отечественной войны, и послевоенного строительства. В. Смирнов вновь обратился к теме, уже подмеченному литературой, но по-новому раскрыл этот образ во всей его психологической глубине, высокой интеллектуальности.

А ведь нам дороги не только открытия новых жизненных фактов, но и открытия психологические, ибо советская литература преследует благороднейшую цель — помогать партии растить нового человека, психолога которого будет свободна от пережитков капитализма.

4. Читатель испытывает доверие к тем произведениям, в которых общими выводами органически вытекают из явлений самой жизни, изображенных авто-

ром. Между тем во многих случаях писатели не выводят интересующие их проблемы из самого материала жизни, воплощенного в книге, а только называют эти проблемы, идут не от жизненных наблюдений и сопоставлений, а от заранее сформулированного тезиса. Слабость такой вещи лишь усугубляется, если автор прибегает к довольно распространенному приему — называть как можно больше актуальных проблем, хотя глубоко вынести в них не удается. Подобного недостатка не избежали и некоторые крупные писатели, в том числе В. Кочетов.

Чем так привлекает его роман «Журбиния»? Прежде всего своими героями. Каждая фигура исключительно пластична, масштабна, и нет в ней никакой надуманности, схематичности, люди раскрываются не только в труде, но и в быту, в семье. Следя за развитием сюжета, за мыслями и поступками героев — и узнаешь, как живут, работают, мыслят и чувствуют несколько поколений нашего славного рабочего класса. Сам ход повествования подводит к раздумьям о знаменательных приметах времени, о таком социальном устройстве, при котором все члены рабочей семьи участв, об окружающей их атмосфере нравственной чистоты.

Этого вот зримого, непосредственного узнавания типичных людей во всей глубине их характеров, живого видения новых сторон современности не хватает роману В. Кочетова «Молодость с нами».

Всесторонний разбор романа не входит в задачу данной статьи. Но вряд ли можно согласиться с теми критиками, которые не находят в нем ничего хорошего. В. Кочетов верно подметил некоторые особенности жизни научного коллектива, смело обличает паразитизм, интриганство, нетерпимость к критике, нередко еще проявляющиеся в этой среде. Удачна линия романа, связанная с секретарем райкома Макаровым, человеком принципиальным, живым, демократичным, не терпящим кассетничества, бумажных «методов» руководства. Есть в романе еще несколько жизненно достоверных фигур. Радует стремление автора смело вмешиваться в жизнь, высказаться о ней.

Однако узависшие образы, яркие эпизоды, завязывающиеся страницы не спасают роман в целом; с этими хорошими страницами соседствуют многие другие, написанные слабо, вялым, неотточенным языком. Главные герои романа не стали образами такой обобщающей силы, как персонажи «Журбиния», им не хватает ни цель-

ности, ни масштабности последних. Первое знакомство с Павлом Петровичем Колосовым заинтересовывает, ждешь, что в живых делах по руководству институтом всесторонне раскроется его характер. Но дальнейшее развертывание событий не оправдывает таких надежд. Павел Петрович против желания автора выглядит человеком неярким в своих мыслях и переживаниях. Читатели не узнают, как и благодаря чему Колосову удалось перестроить работу института, в чем конкретно выразилось содержание науки и производства, которое он декларирует.

Вот именно, декларирует! Слабости романа в большой мере объясняются тем, что художественное раскрытие фактов жизни зачастую подменяется перечислением различных проблем, беглым их комментированием. Раздумья и высказывания того же Макарова о борьбе с формализмом и писаниной, о воспитании кадров, о бюрократизации пионерской работы уместны и художественно обоснованы, потому что перекликаются с его действиями по искоренению бумаготворчества, перестройке работы на творческий лад. А вот размышления о церкви и о слабости клубной работы, о борьбе с религиозными предрассудками, размышления, верные сами по себе, выглядят в романе «вставной новеллой», так как они не включены в развитие действия. Только перечисляются В. Кочетовым многие другие проблемы общественной жизни, производства, литературы. Здесь и тема неосмотрительного видения руководителя, пренебреженного чувством неизмеримого превосходства над остальными людьми; и мысли о литературных героях, у которых иной писатель рядом со светлым обязательно хочет видеть темное; и рассуждения о целесообразности поступать в аспирантуру лишь с производством; и объяснение причин, почему люди искусства особенно болезненно относятся к критике; и замечание насчет того, что любовь — дело общественное; и сообщение о безрестных грамотах, найденных при раскопках в Новгороде, и т. д.

Любая из этих мыслей справедлива и могла бы заинтересовать читателя, если бы не была высказана так торопливо и если бы органически входила в художественную ткань произведения. У В. Кочетова же есть перечисление вещей важных и общезначимых, но нет проникновения в них, нет художественного открытия, делающего книгу истинным произведением искусства. В романе художественно мотивированная оценка героя часто подменяется простым комментированием его действий.

5. Между тем вопрос об отношении писателя к тому, что он изображает, всегда представлял и представляет первостепенное значение для искусства. Это особенно важно, когда предметом изображения становятся новые стороны жизни. Художнику недостаточно заметить и описать то или иное явление, он должен не только ставить вопросы, но и уметь их решить. Невозможно представить обществу важные, по мнению автора, стороны жизни и не высказаться по их поводу — либо с осуждением, либо с поддержкой. Другое дело, что в искусстве такое высказывание чаще всего является не авторской декларацией, а самим содержанием, тоном произведения, логикой развития его действующих лиц. Но так или иначе, говоря о чем-то новом, значительном, писатель вынужден твердо определить свое отношение к нему, раскрыть его внутренний смысл и закономерности развития.

В приветствии ЦК КПСС писателю адресуется подчеркнута, что «наша литература признала не только отражать новое, но и всемерно помогать его победе».

Активно помогать победе нового неустанно требовал от писателей великий Горький. В самые глухие годы реакции, когда рос поток пессимистических произведений, Горький в письме Я. И. Никифоровой уверенно заявлял: «...задача времени в том, чтоб раздуть искры нового в яркие огни...».

Помогать победе нового может тот художник, который обладает передовым мировоззрением, понимает, на чьей стороне правда, видит закономерности развития и противоречия жизни, показывает силу и неотделимость нового в борьбе со старым, прогишим. Лучшие произведения нашей литературы написаны именно с этих позиций. Однако за последние годы появилось немало книг, наполненных бранящим литавр, веделерчивыми восхвалениями в адрес возмущенных на котурны героев. Трудности рождения и укрепления новых отношений между людьми такие книги передать не могут. Их не передать и сторонникам другой крайности, которая сейчас проявляет весьма отчетливо. Мы имеем в виду авторов книг, написанных по прямо противоположному рецепту: вот вам

неприкрашенный каждодневный быт, жизнь, в ее текущей повседневности, такая, как она есть, судите о ней сами.

Действительно, в таких произведениях нет высокопарной риторики, но чем мельче, искусственно приземленный герой лучше возмущенной на пьедестал фигуры, столь же «идеальной», сколь и схоластической?! А когда писатель не видит большого накала нашего времени, высоких чувств, пронизывающих повседневные дела строителей коммунизма, жизнь в его изображении выглядит подчеркнута будничной, а люди — серыми, незначительными. На первый взгляд, как будто бы делается завывка на то, чтобы раскрыть перед читателем сторону жизни, долго не получавшую освещения в литературе. Но будничная интонация таких книг мешает читателю познать истинный дух наших трудовых дней, и вместо художественного открытия получается возвращение к той бескрылости, которую в свое время уже отвергла советская литература.

Читатель хочет правдивого рассказа о всех сторонах жизни, в том числе и о своем быте, повседневных делах, но этот рассказ получится правдивым только в том случае, если будет прозяван ощущением того нового, что внесло время в жизнь людей. Плохо, что этого ощущения порой не хватает и таким, несомненно, талантливым писателям, как В. Некрасов, автор повести «В родном городе», сильные и слабые стороны которой, на мой взгляд, справедливо оценил А. Тарасенков.

И абстрактная риторика и искусственно приземленность, в сущности, две стороны одного и того же явления — схематизма, неумения глубоко и верно взглянуть на жизнь, открыть и поддержать главное, ведущее.

Пафос высокой гражданственности отличает лучшие книги советских писателей, какую бы тему они ни брали — от военного и трудового подвига до истории любви героя. Жизнь нашего народа широка и кипуча. Полно и глубоко отобразить ее, быть страстным борцом за все новое, передовое, приближающее нас к коммунизму, — что может быть важнее этого для каждого художника, любящего народ и думающего о его счастье.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИЯ, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.